Философия религии:
аналитические исследования
2026. Т. 10. № 1. С. 5–21
УДК 291.2; 291.16

Philosophy of Religion:
Analytic Researches
2026, vol. 10, no. 1, pp. 5–21
DOI: 10.21146/2587-683X-2026-10-1-5-21

ПОНЯТИЯ И КАТЕГОРИИ

С.В. Мельник

Понятие партикуляризма в религиоведении и теологии религий

Мельник Сергей Владиславович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт научной информации по общественным наукам РАН. Российская Федерация, 117997, г. Москва, Нахимовский просп., д. 51/21;

e-mail: sermel05@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1491-7624

В статье анализируются разные интерпретации понятия партикуляризма в религиоведении и теологии религий. В контексте религии партикуляризм встречается в трех основных контекстах: (1) темы богоизбранности еврейского народа; (2) понимания спасения в христианстве в связи с сотериологией Кальвина и его учения о предопределении (“decretum particulare”); (3) в более широком смысле как представление отдельных групп верующих о собственной исключительности и возможности спасения только внутри своей собственной религиозной традиции или общины. Эти значения понятия партикуляризма можно назвать основными, наиболее часто встречающимися в научной литературе. Вместе с тем в теологии религий и исследованиях межрелигиозного диалога обсуждаемый термин получил дополнительные, специальные значения: (4) как позиция в рамках теологии религий (связанная с культурно-лингвистическим подходом Дж. Линдбека) и (5) как методологический принцип в изучении и других религий, который делает акцент на их уникальности, самобытности. Опираясь на обзорную статью Гэвина Да Косты «Христианская теология религий» и другие источники, демонстрируется, что словом «партикуляризм» в дискуссиях о теологии религий стали обозначать культурно-лингвистический подход Дж. Линдбека в рамках постлиберальной теологии. В этой перспективе партикуляризм, или «постлиберальный партикуляризм», рассматривается как четвертая основная позиция теологии религий наряду с эксклюзивизмом, инклюзивизмом и плюрализмом или же как разновидность эксклюзивизма. «Постлиберальный партикуляризм» смещает акцент с темы спасительности других религий на эксклюзивность, исключительность каждой из них в значении «несоизмеримости» смыслов, уникальности, самобытности каждой религии как культурно-языковой системы. В заключительной части статьи изучается использование концепции «постлиберального партикуляризма» в исследованиях в области межрелигиозного диалога, в том числе в компаративной теологии. В научной

© Мельник С.В., 2026

литературе практически отсутствуют работы, предлагающие развернутый анализ разных трактовок понятия партикуляризма как в общем религиозном контексте, так и в рамках теологии религий, что может приводить к путанице. Данная статья стремится заполнить эту лакуну и может быть полезной исследователям, интересующимся проблематикой теологии религий и межрелигиозного диалога.

Ключевые слова: партикуляризм, теология религий, спасение, Дж. Линдбек, культурно-лингвистический подход, межрелигиозный диалог, компаративная теология, постлиберальный партикуляризм, постлиберальная теология

Ссылка для цитирования: *Мельник С.В.* Понятие партикуляризма в религиоведении и теологии религий // Философия религии: аналит. исслед. / Philosophy of Religion: Analytic Researches. 2026. Т. 10. № 1. С. 5–21.

The Concept of Particularism in Religious Studies and Theology of Religions

Sergey V. Melnik

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Nakhimovsky Av. 51/21, Moscow 117997, Russian Federation;

e-mail: sermel05@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1491-7624

The article examines various interpretations of the concept of *particularism* in religious studies and theology of religions. In the religious context, particularism manifests in three primary domains: (1) The theme of the chosenness of the Jewish people; (2) The understanding of salvation in Christianity, particularly in relation to Calvin's soteriology and his doctrine of predestination (*decretum particulare*); (3) In a broader sense, as the belief held by certain religious groups regarding their own exclusivity and the notion that salvation is attainable only within their specific religious tradition or community. These interpretations represent the principal and most frequently encountered meanings of particularism in academic literature. However, within theology of religions and studies of interreligious dialogue, the term has acquired additional, specialized connotations: (4) As a position within the theology of religions, associated with George Lindbeck's cultural-linguistic approach; (5) As a methodological principle in the study of other religions, emphasizing their uniqueness and distinctiveness. Drawing on Gavin D'Costa's survey article "*Christian Theology of Religions*" and other sources, the paper demonstrates that the term *particularism* in discussions of the theology of religions has come to denote Lindbeck's cultural-linguistic approach within postliberal theology. From this perspective, particularism – or *postliberal particularism* – is regarded either as the fourth major stance in the theology of religions (alongside exclusivism, inclusivism, and pluralism) or as a variant of exclusivism. *Postliberal particularism* shifts the focus away from the salvific potential of other religions toward the exclusivity and distinctiveness of each religion, understood in terms of the *incommensurability* of meanings and the uniqueness of each religious tradition as a cultural-linguistic system. The concluding section of the article explores the application of the *postliberal particularism* concept in research on interreligious dialogue, including in comparative theology. Academic literature largely lacks comprehensive analyses of the diverse interpretations of particularism – both in the general religious context and within the theology of religions – which may lead to conceptual confusion. This article seeks to address this gap and may prove valuable for researchers interested in the theology of religions and interreligious dialogue.

Keywords: particularism, theology of religions, salvation, J. Lindbeck, cultural-linguistic approach, interreligious dialogue, comparative theology, postliberal particularism, postliberal theology

Citation: Melnik S.V. "The Concept of Particularism in Religious Studies and Theology of Religions", *Philosophy of Religion: Analytic Researches*, 2026, Vol. 10, No. 1, pp. 5–21.

Партикуляризм в религиоведении

Понятие «партикуляризм» (от лат. particularis – «отдельный», «частичный») встречается в разных дисциплинах. Например, политический партикуляризм означает отстаивание отдельными социальными, этническими или религиозными группами своих интересов в ущерб интересам всего сообщества или государства. Этический партикуляризм (moral particularism) отсылает к позиции, отрицающей существование общих моральных принципов, и говорит о необходимости принимать этические суждения лишь в ходе разбора частных случаев[1]. В медицине, например, в статье с показательным названием «Мультикультурное здравоохранение: сочетание универсализма и партикуляризма» рассматривается проблема того, как «универсальные» медицинские услуги и равное отношение ко всем людям должны сочетаться с индивидуальным подходом и учетом этнокультурной специфики отдельных групп [Fuller 1997].

В антропологии в контексте идей Фр. Боаса партикуляризм рассматривается как «направление в антропологической мысли, связанное с научным наследием Франца Боаса и его учеников… в исследованиях которых особое внимание уделялось целостному и самобытному образу жизни конкретного народа. Партикуляризм противопоставлялся таким теоретическим концепциям, как культурная эволюция, теория культурных кругов (Kulturkreis) и географический или экологический детерминизм. Все эти подходы стремились выявить в социальных науках ряд общих законов, аналогичных законам естественных наук (таким как законы термодинамики или гравитации)»[2]. Фр. Боас считал, что главная задача антрополога заключается в описании специфических черт конкретной культуры, каждая из которых складывалась на основе собственной уникальной истории. Боас отвергал представление о единой шкале достижений, по которой можно было бы сопоставлять все культуры в рамках эволюционного подхода. Вместо этого он отстаивал принцип культурного релятивизма – позицию, согласно которой все культуры в равной мере способны удовлетворять потребности своих носителей. В этой трактовке имеются некоторые методологические пересечения в «постлиберальным партикуляризмом» теологии религий. Предполагается, что каждый

---

1 Примечательно, что исследователь У. Синнотт-Армстронг в контексте этических концепций предлагает различать следующие виды партикуляризма: аналитический, метафизический, эпистемологический и методологический [Sinnott-Armstrong 1999].

2 Tax S. Particularism: anthropology // Britannica: [online encyclopedia]. URL: https://www.britannica.com/science/particularism-anthropology (дата обращения: 14.01.2026).

религиозный язык партикулярен (частен), невозможно выйти за пределы этих особенностей, чтобы найти некую сущностную общую универсальную структуру.

В этих и других областях (литературоведении, политологии, социологии, антропологии) термин партикуляризм так или иначе отражает стремление к обособлению, отделенности, акцент на частных моментах, локальном в противовес общему, в этом контексте партикуляризм нередко противопоставляется универсализму (от лат. universalis – «всеобщий»).

Одна из наиболее распространенных интерпретаций партикуляризма в религиоведении и теологии связана с сотериологией. Вестминстерский словарь богословских терминов дает такую дефиницию: «партикуляризм – это теория спасения, которая рассматривает его как соотнесенное с индивидуальным личностным откликом на христианскую проповедь, в отличие от универсализма, который учит, что Бог спасет всех людей, независимо от их ответных реакций» [Мак-Ким 2004: 272]. В этом определении универсализм предполагает учение о том, что в силу безграничной любви и милосердия Бога все люди в конечном итоге будут спасены, независимо от их личных решений или действий. При этом в протестантской теологии партикуляризм может принимать две формы: кальвинистскую и арминианскую. Согласно доктрине "decretum particulare" (лат. «частное постановление»), которой придерживался Кальвин, спасение обретут только те, кто предопределен к этому Богом от создания мира, что противопоставляется универсализму, который учит, что спасение потенциально доступно всем людям. Арминианство – это теологическая система, получившая свое название по имени нидерландского богослова Якоба Арминия (1560–1609), которая подчеркивает свободу воли человека в ответе на благодать в отличие от строгого кальвинистского учения о предопределении. То есть сторонники арминианства считают, что Христос умер за всех людей без исключения, а не только за «избранных»; спасение доступно каждому, при этом божественная благодать призывает, но не принуждает, поэтому человек способен как откликнуться на призыв к покаянию и вере, так и отвергнуть его. Например, последователи баптизма преимущественно разделяли армианскую доктрину, тогда как приверженцы учения "decretum particulare" получили название «партикулярные баптисты» [Там же].

В «Энциклопедии религии и общества» ("Encyclopedia of Religion and Society") дается такое определение:

> Понятие религиозного партикуляризма означает веру в исключительную истинность (exclusive authenticity) собственной религиозной традиции. Сторонники религиозного партикуляризма склонны считать, что спасение доступно лишь довольно узко определенным группам верующих [Jelen 1998: 355].

В последнем значении понятие партикуляризма имеет ряд пересечений с позицией эксклюзивизма в теологии религий и может использоваться как синонимичное ему. Например, адъюнкт-профессор апологетики баптистской семинарии Торонто С. Уэст в обзоре на книгу Г. Нэтланда «Встреча с религиозным плюрализмом: вызов миссии христианской веры» [Netland 2001] пишет:

> Второй Ватиканский собор поддержал точку зрения, что некоторые люди могут быть спасены Христом через свои собственные религии, и с тех пор Римский католицизм продолжает отстаивать эту точку зрения. Сегодня дебатирующие стороны разделились в общем на три основных лагеря: эксклюзивизм

(хотя более подходящим термином является «партикуляризм»), инклюзивизм и плюрализм[3].

М.Ю. Хромцова пишет:

Исторически сложилось так, что позиция эксклюзивизма являлась точкой зрения большинства христиан, многие века она была господствующей в христианской ортодоксии. Эксклюзивизм, в отличие от точки зрения инклюзивизма и плюрализма, утверждает, что спасение посредством других религий невозможно, оно доступно только через веру во Христа, являющегося единственным воплощением Бога и единственным Спасителем. Эксклюзивизм также по-разному называют партикуляризмом и рестриктивизмом [Хромцова 2023: 114].

В Библиологическом словаре прот. Александра Меня присутствует раздел «Универсализм и партикуляризм», в котором рассматривается «универсализм и партикуляризм в Библии, общечеловеческие и национально-обособительные мотивы в книгах Священного Писания». То есть в статье исследуется проблема избранничества народа Израиля, диалектика универсализма и партикуляризма в Ветхом Завете [Мень 2002: 284] (напр., такие «партикуляристские» высказывания: «ибо ты народ святый у Господа, Бога твоего: тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле» (Втор. 7:6); «Только вас признал Я из всех племен земли, потому и взыщу с вас за все беззакония ваши» (Ам. 3:2); «Все народы пред Ним как ничто, – менее ничтожества и пустоты считаются у Него» (Ис. 40:17); «Весь Израиль имеет удел в Будущем мире» (Талмуд, Санхедрин, глава 10, мишна 1). В этом же контексте партикуляризм как идея особой, уникальной миссии народа Израиля затрагивается в энциклопедии «Британника» в статье Х.З. Димитровски об иудаизме в эпоху эллинизма (323 г. до н.э. – III в. н.э.) где отмечается, что рассеяние евреев по государствам восточного Средиземноморья и Римской империи усилило универсалистскую тенденцию в иудаизме, но при этом сохранялось представление об особом статусе еврейского народа как избранного Богом[4]. В качестве иллюстрации можно также привести сборник статей под названием «Между универсализмом и партикуляризмом: восприятие историй о Ное, Аврааме и Иакове», в котором эта тематика исследуется на материале текстов из раннеиудейской, раннехристианской и раввинистической традиций, а также из сирийской литературы [Between Universalism and Particularism 2025].

В «Британнике» понятие партикуляризма также рассматривается в отдельном подразделе в подготовленной Г.К. Парком словарной статье об анимизме. В этом контексте понятием партикуляризма описывается характерная для

---

[3] West S. A Brief Book Summary from Books At a Glance (Encountering Religious Pluralism: The Challenge to Christian Faith & Mission by Harold Netland). [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksataglance.com/book-summaries/encountering-religious-pluralism-the-challenge-to-christian-faith-mission-by-harold-netland/ (дата обращения: 02.02.2026).

[4] Dimitrovsky H.Z. Judaism: Hellenistic Judaism (4th century BCE – 2nd century CE) // Britannica: [online encyclopedia]. URL: https://www.britannica.com/topic/Judaism/Hellenistic-Judaism-4th-century-bce-2nd-century-ce (дата обращения: 14.01.2026).

анимизма вера в локальных богов или духов, каждый из которых имеет ограниченную сферу влияния, при этом зачастую они привязаны к конкретным местам, объектам или аспектам жизни, в отличие от «универсализма великих религий» (например, христианства, ислама, буддизма), которые декларируют универсальные истины, применимые ко всем людям, и содержат представления об определяющей все события божественной воле или общих для всех законах и принципах[5].

Подводя предварительный итог, отметим, что понятие «партикуляризм» в связи с изучением религии встречается в трех основных трактовках: во-первых, в теме богоизбранности еврейского народа в соотношении с судьбой и значением всех других народов в божественном замысле; во-вторых, в дискуссиях вокруг сотериологии Кальвина и его учения о предопределении; в-третьих, понятие партикуляризма получило более широкое значение, обобщая и расширяя два изложенных аспекта, и иногда встречается в значении представления верующих об уникальности, исключительности, спасительности своей собственной религиозной традиции или общины. Проведенный мониторинг показал, что в подавляющем большинстве случаев в научных публикациях и лексиконах понятие партикуляризма, когда речь идет о религии, встречается в одном из трех указанных смыслов. Однако в теологии религий и исследованиях межрелигиозного диалога обсуждаемый термин получил дополнительные, специальные значения: (1) как позиция в рамках теологии религий (связанная с культурно-лингвистическим подходом Дж. Линдбека) и (2) как, если так можно выразиться, методологический принцип в изучении и других религий, который делает акцент на их уникальности, самобытности. Рассмотрим эти интерпретации партикуляризма более подробно.

Партикуляризм в теологии религий

Как известно, в христианской теологии религий имеются три основные позиции, представляющие собой богословские ответы, осмысливающие факт существования других религий. Модель эксклюзивизма утверждает, что для спасения необходим Христос (и Церковь). Инклюзивизм исходит из того, что хотя Христос (или христианство) являет наиболее истинное и совершенное откровение, но другие религии также могут включать в себя некоторые верные богословские представления и давать своим адептам спасение. То есть инклюзивизм признает относительную ценность других религий, при этом утверждает, что полнота истины и благодати находится только в христианстве. Подход плюрализма рассматривает все религии как равно спасительные пути. Примечательно, что, как показывает В.К. Шохин, в истории формирования моделей теологии религий можно выделить два периода, христианоцентристский и постхристианский, на первом из которых триада эксклюзивизм-инклюзивизм-плюрализм еще не была эксплицирована [Шохин 2025].

---

[5] Park G.K. Animism: Particularism // Britannica: [online encyclopedia]. URL: https://www.britannica.com/topic/animism/The-animistic-worldview (дата обращения: 14.01.2026).

Известный католический теолог Гэвин Да Коста выделяет и анализирует четыре основных подхода христианской теологии религии, где кроме триады эксклюзивизм-инклюзивизм-плюрализм присутствует также позиция партикуляризма. Для того, чтобы лучше понять место и значение партикулярзима, обратимся к изданной Шотландским Университетом св. Андрея «Сент-Эндрюсской энциклопедии теологии» (“St. Andrews Encyclopaedia of Theology”), где находится словарная статья Да Косты «Христианская теология религии» [D’Costa 2022].

Да Коста выделяет разновидности эксклюзивизма, инклюзивизма и плюрализма. Схематично основные выводы Да Косты можно представить следующим образом.

Разновидности плюрализма:

(1) Унитаристские плюралисты (unitary pluralists) утверждают, что все религии можно рассматривать как равноценные и истинные пути, которые направлены к одной и той же единой божественной реальности. Термин «унитаристский» в данном случае указывает на существование единого божественного начала, стоящего за многообразием религиозных феноменов. То есть духовная суть в разных религиях одна и та же, хотя внешние формы различаются (Дж. Хик).

(2) «Разноформные плюралисты» (pluriform pluralists) рассматривают религии как разные пути, которые ведут к отличным, множественным божественным реальностям. Для иллюстрации этой позиции может приводиться известная притча о слепых, которые ощупывали разные части слона (хвост, хобот, уши, ноги) и составили о нем разные представления (Р. Панникар).

(3) Этические плюралисты (ethical pluralists) считают, что все религии сопричастны божественному в той мере, в которой содержат этические нормы и мистико-аскетические практики, определенным образом трансформирующие человека. Первостепенное значение здесь уделяется именно нормам и духовным практикам, которым следуют адепты, и тому состоянию сознания, которое они благодаря им приобретают, а не тому, во что они верят, каких концептуальных представлений о божественной реальности придерживаются (А. Пиерис, Ф. Уилфред).

Разновидности инклюзивизма:

(1) Структурные инклюзивисты (structural inclusivists) утверждают, что Христос – это нормативное откровение Бога, хотя спасение возможно и вне явной принадлежности к христианской церкви. С этой точки зрения спасение доступно через другие религии как таковые, однако источником этого спасения всегда выступает Христос. Этот вариант инклюзивизма сочетает в себе плюралистическое признание других религий в качестве спасительных структур и эксклюзивистское утверждение о том, что единственно действенной причиной спасительной благодати является Христос (К. Ранер и концепция «анонимного христианства»).

(2) Рестриктивистские инклюзивисты также исходят из того, что Христос является нормативным откровением Бога и что спасение возможно вне явной принадлежности к христианской церкви. Однако сторонники данного подхода не признают за нехристианскими религиями спасительной силы per se. Вместе

с тем они считают, что поскольку не все люди имели возможность услышать евангелие, праведный Бог предусмотрел иные способы, позволяющие каждому свободно принять или отвергнуть Его. К таким способам относятся: естественный закон, запечатленный во вселенной и в человеческом сердце через совесть; или элементы истины, блага и красоты, присутствующие в нехристианских религиях. То есть реструктивистские инклюзивисты в лучшем случае рассматривают нехристианские религии лишь как подготовку к принятию евангельской вести (Г. Факр (Gabriel Fackre)).

Разновидности эксклюзивизма:

(1) Эксклюзивизм ограниченного доступа (restrictive access exclusivists). Его сторонники утверждают, что Бог избрал одних людей для спасения, а других – для осуждения. Поскольку Бог открывается исключительно во Иисусе Христе (принцип "solus Christus"), нехристиане (а также некоторая часть христиан, не сохранивших верность) обречены на осуждение. Такой подход ограничивает число спасенных и осужденных, исходя из божественного избрания. Эта позиция, отмечает Да Коста, опирается на библейские тексты, которые говорят о Божьем суде, наказании, гневе и утрате человеческой добродетели вследствие грехопадения и которые плюралисты склонны недооценивать (Кальвин, Лютер, К. Генри).

(2) Эксклюзивизм всеобщего доступа (universal access exclusivists). Приверженцы этой позиции считают, что каждый человек получит возможность услышать евангелие и ответить на него. Поскольку Бог открывается единственно во Христе, спастись могут только те, кто исповедует Христа – т.е. те, кто услышал евангелие ("fides ex auditu", лат. «вера от слышания») и принял его в своем сердце. Внутри этого направления ведется дискуссия между двумя группами: теми, кто утверждает, что возможность принять Христа должна представиться каждому до смерти, и теми, кто полагает, что это может произойти в момент смерти или после нее (например, в момент всеобщего воскресения, когда люди обретут тела, получат свободу воли и смогут сделать окончательный выбор) (Фома Аквинский, Т. Николс (Terrence Nichols)).

Да Коста исследует перечисленные разновидности эксклюзивизма, инклюзивизма и плюрализма, приводит цитаты из Библии, называет основных богословов, сторонников каждого подхода, уделяет внимание и основным линиям критики. Для анализа нашей темы важно, что в связи с эксклюзивизмом он выделяет еще одну отдельную позицию «партикуляристский эксклюзивизм с универсальным доступом» (particularist universal access exclusivism) [D'Costa 2022: 18–20].

В качестве наиболее влиятельного сторонника модели «партикуляристского эксклюзивизма с универсальным доступом» Да Коста называет американского лютеранина Джорджа Линдбека. Представители йельской богословской школы Дж. Линдбек вместе с Х. Фраем считаются разработчиками направления, получившего название «культурно-лингвистический подход», или «нарративное богословие», или «постлиберальная теология». Вышедшая в 1984 г. книга Линдбека «Природа доктрины» (The Nature of Doctrine: Religion and Theology in a Postliberal Age) считается программным манифестом постлиберальной теологии. Либеральная теология рассматривала религии как разные

формы выражения общего религиозного опыта, считала возможными описание религий с помощью универсальных идей и рациональных концепций. Постлиберальная теология понимает религию как своеобразную культурно-языковую систему, уникальный нарратив.

Дж. Линдбек исходит из того, что люди формируются знаковыми мирами, в которых они растут, и впоследствии сами эти миры преобразуют. Он опирается, в том числе, на концепцию «языковой игры» Витгенштейна, где язык рассматривается как динамическая система правил и практик, в которой слова и высказывания получают смысл только в конкретном контексте использования. «Языковые игры» подчиняются своим правилам, которые сообщество усваивает и поддерживает. С точки зрения этой концепции есть множество языковых игр (наука, религия, поэзия, право, повседневное общение и т.д.), каждая их которых обладает своим собственными критериями истинности, уместности и эффективности. Игры могут пересекаться, но не сводятся друг к другу. То есть либеральная теология опиралась на рационализм и историзм, стремилась к научному подходу к религии и видела свою задачу в том, чтобы «перевести» христианство на язык современной культуры, сделать его понятным. Постлиберальная же теология с методологической точки зрения испытала влияние «лингвистического поворота», а религия стала рассматриваться как «языковая игра». Например, Библия воспринимается не как исторический документ, требующей проверки (подход либерального богословия), а как нарратив, целостная история, имеющая свою внутреннюю логику и грамматику, создающая свой самобытный языковой мир, языковую среду, в которую христиан должен погрузиться, чтобы понять и приобщиться к тому посланию, которое она несет.

Линдбек предлагает рассматривать религию не как набор абстрактных истин или выражение универсального внутреннего опыта, а как культурно-языковую систему. Значение религиозных терминов полностью определяется внутри конкретной «текстуальной» и практической системы данной религии (например, понятия «спасения», «Бога» в христианстве). Для него становление христианином представляет собой процесс включения в культурно-языковую практику, своего рода «языковую игру». Человек должен сперва освоить язык веры – и лишь тогда он сможет либо осознанно отвергнуть ее (и тем самым оказаться осужденным); либо принять ее (и обрести спасение). Из этого следует важный тезис Дж. Линдбека в контексте теологии религий: вне Церкви нет ни осуждения, ни спасения [D'Costa 2022: 18].

То есть культурно-лингвистический или партикуляритский подход в рамках постлиберальной теологии смещает акценты в теологии религий. Если модели эксклюзивизма, инклюзивизма и плюрализма разными способами отвечают на вопрос «Кто будет спасен и какая религия истинна?», то Линдбек размышляет скорее над тем, как функционирует религия как знаковая система. Для классической «большой триады» моделей теологии религий важен вопрос об истине, несколько ложны или ошибочны другие религии, а Линдбек говорит об их несоизмеримости, невозможности их сравнивать по внешней шкале истины. То есть демаркация между религиями рассматривается не как границы между спасенными и погибшими, а как границы между языковыми мирами.

Не будем подробно анализировать подход Дж. Линдбека, который хорошо известен и был изучен в том числе в отечественной литературе (см., напр.: [Хромцова 2017]). В контексте исследуемой темы важно подчеркнуть, что слово «партикуляризм» используется современными исследователями для обозначения идей Дж. Линдбека, однако в его основной работе «Природа доктрины» (1984) оно практически не встречается как самоназвание его метода. Сам Линдбек называет свой метод «культурно-лингвистическим» (cultural-linguistic approach). Когда же он говорит об уникальности религиозных традиций, он чаще использует термины «несоизмеримость» (incommensurability), «непереводимость», «интратекстуальность» (intratextuality) или подчеркивает «особенность» (particularity) христианской идентичности. Термин «партикуляризм» закрепился за его подходом позже, в 1990-х и 2000-х гг., в рамках дискуссий в теологии религий и классификации разных позиций. Исследователи (среди них П. Ниттер, М. Мойерт) начали называть «партикуляристами» группу постлиберальных теологов, которые, опираясь на Линдбека, настаивают на несводимости религий друг к другу и защищают право каждой традиции на собственную «частную» (particular) истину. Подобным образом понятия «постлиберальный подход» и «партикуляристский подход» как взаимозаменяемые использует и Да Коста: «Следует отметить, что этот постлиберальный или партикуляристский подход затем может быть использован для сохранения постоянного сотериологического агностицизма в отношении “Другого”»; «Эта партикуляристская позиция глубоко зависит от постлиберального акцента на культурно-лингвистическом конструировании социальной реальности» [D’Costa 2022: 18], «разум больше не занимает основополагающего места в рамках постлиберального партикуляризма» [Ibid.: 19].

Да Коста в начале своего обзора, характеризуя позиции эксклюзивизма, инклюзивизма и плюрализма как основных в теологии религий, также отмечает: «некоторые добавили бы четвертую категорию – партикуляризм, который сам по себе привел к смещению акцента в теологии религий» [Ibid.: 5]. В самой статье Да Коста атрибутирует партикуляризм как четвертую разновидность эксклюзивизма. М. Мойерт, анализируя взгляды Дж. Линдбека, указывает: «Партикуляризм иногда может быть приравнен к новой форме эксклюзивизма. По-видимому, это относится к постлиберальному партикуляризму, согласно которому те, кто не говорит на христианском языке, не знают Христа, а те, кто не знает Христа, не могут быть спасены» [Moyaert 2012: 50]. Более подробно этот тезис она обосновывает в свой книге «Хрупкие идентичности: на пути к теологии межрелигиозного гостеприимства» [Moyaert 2011: 190–196]. Вместе с тем в статье «Последние достижения в теологии межрелигиозного диалога: от сотериологической открытости к герменевтической открытости» М. Мойерт утверждает:

> Многие теологи считают, что сотериологическая трехчастная схема является одновременно обидной и покровительственной, потому что религиозный другой понимается, не будучи услышанным. Эти критические замечания сформулированы, в частности, в рамках партикуляризма, модели, которая выходит за рамки сотериологической фиксации классической теологии религий [Moyaert 2012: 26].

Обратим внимание, что в приведенной цитате партикуляризм не отождествляется с эксклюзивизмом (мы демонстрировали, что такая трактовка встречается), а рассматривается как отдельная, самостоятельная позиция теологии религий, что создает терминологическую неопределенность[6].

В контексте понимания партикуляризма как отдельной модели теологии религий М. Мойерт пишет: «С 1990-х годов непреодолимая специфика (irreducible particularity) религий стала важной темой в теологии религий. Некоторые авторы даже говорят о новой модели интерпретации религиозного плюрализма. О довольно недавнем характере этой разработки можно судить по тому факту, что до сих пор нет единого названия для этой модели» [Moyaert 2012: 34]. Далее она ссылается на П. Ниттера, который характеризовал этот подход как «модель принятия»: «религиозные традиции в мире действительно разные, и мы должны принять эти различия» [Knitter 2002: 173]; «это дает христианам возможность не только переосмыслить и подтвердить самобытность христианства, которая была унесена ветрами современности», и создает пространство для «самобытности других религий» [Ibid.: 178].

При этом Ниттер в свой книге «Введение в теологию религий» [Knitter 2002] различает три подхода, которые, по его мнению, можно было бы назвать партикуляристскими: «(1) постлиберальный подход Дж. Линдбека (который также отражен в позициях У. Плачера, Г. Грин, Д. Динойя и П. Гиффитс); (2) радикальный плюралистический подход, который в основном ассоциируется с Марком Хеймом (S. Mark Heim), основанный на партикуляристских аргументах; (3) компаративная теология, которая достигает основной цели веры, ищущей понимания непосредственно в ходе детального изучения религиозных текстов разных традиций» [Moyaert 2012: 49]. О постлиберальном партикуляризме Линдбека мы сказали, партикуляризм как методологический принцип при изучении других религий и в межрелигиозном диалоге, в том числе в рамках компаративной теологии, рассмотрим в следующем параграфе. Дополнительную концептуальную неопределенность вносит то, что Ниттер предлагает обозначать подход Марка Хейма как партикуляристский. Хейм развивает культурно-лингвистический подход Линдбека, также говорит о том, что различия между религиями фундаментальны, а не поверхностны и каждую из них надо рассматривать исходя из ее внутренней логики. Вместе с тем Да Коста характеризует М. Хейма как видного представителя «разноформных плюралистов» (pluriform pluralists) [D'Costa 2022: 8], т.е. определяет в рамках своей классификации его подход как разновидность плюрализма.

---

[6] Тем, кто хочет более подробно изучить содержание понятия партикуляризма как самостоятельной модели теологии религий и его влияния на межрелигиозный диалог, можно порекомендовать находящуюся в открытом доступе статью М. Мойерт, которая посвящена данной теме: [Moyaert 2011].

«Постлиберальный партикуляризм» и исследования в области межрелигиозного диалога

Дж. Фредерикс отмечал, что теологические концепции эксклюзивизма, инклюзивизма и плюрализма были чрезмерно сосредоточены на вопросе возможности спасения нехристиан, при этом проявляя недостаточный интерес собственно к религиям как таковым. Три перечисленные модели теологии религий «делают христианам прививку от силы и новизны иных религиозных традиций» [Fredericks 1999: 167]. К. Корнилл характеризовала одну из черт партикуляризма в рамках постлиберального подхода как сохранение постоянного «сотериологического агностицизма» в отношении другого [Cornille 2017: 201]. Сторонники партикуляризма считают, например, в противоположность концепции «анонимного христианства» К. Ранера, что цели других религий и предлагаемые ими средства их достижения требуют внимательного изучения как они есть, т.е. подчеркивают важность феноменологического понимания «Другого». Такая позиция оказывает влияние и на выработку отношения к другим религиям, миссию и межрелигиозный диалог.

В постлиберальном партикуляризме разум более не занимает фундаментального места, поэтому, например, Дж. Милбанк, развивая эти идеи, рассматривал миссионерский процесс не как задачу христианства как системы убеждений победить другие религии с помощью универсальной логики, а как попытку включить их в свой собственный «нарратив», через эстетические и иные нерациональные критерии, создающие убедительную историю [Milbank 1990].

Мойерт отмечает: «Партикуляризм указывает на то, что другой не такой, как я, и требует, чтобы межрелигиозный диалог создавал пространство для другого как для иного» [Moyaert 2012: 37]. П. Ниттер пишет: «Партикуляристы напоминают всем теологам религий или участникам межрелигиозного диалога о том, что должно быть очевидным само по себе: все, что мы видим, определяется местом, где мы живем. Смотреть куда-либо – значит смотреть откуда-то. Этим “откуда-то” является культура (включающая в себя и нашу религию), в которой мы родились» [Knitter 2013: 136]; «Если признать обоснованность тезиса партикуляристов о том, что все наши попытки познавать и понимать обусловлены социальными и политическими факторами – в том числе и наши усилия узнать тех, кто принадлежит к иным культурам и обществам, – то партикуляристы приходят к пугающему выводу: любые утверждения об универсальной истине, равно как и любые попытки провозгласить нечто истинным всегда, везде и для каждого, по самой своей природе неизбежно, неисправимо и неотвратимо опасны… В каждом универсалисте скрывается империалист. Таким образом, партикуляристы отстаивают и стремятся защитить верховенство многообразия» [Ibid.: 137].

Да Коста характеризует модели эксклюзивизма, инклюзивизма, плюрализма и партикуляризма как четыре основных «теологических ответа христианства нехристианским религиям» [D’Costa 2022: 4]. Существенное для «постлиберального партикуляризма» перемещение фокуса с вопроса о спасении и истинности других религий как центрального создает предпосылки для формирования того, что Да Коста обозначил как «несотериологические ответы»,

которые предполагают особым образом выстроенное изучение других религий и взаимодействие с их последователями. Среди прочих, как наиболее значимые он отмечает два из них – компаративную теологию и «Размышления над Писаниями».

Компаративная теология – академическое направление, в рамках которого осуществляется сравнительное изучение религий верующим исследователем, – предполагает уважение к уникальности другой традиции, погружение в ее контекст и язык, стремится понять другую религию исходя из ее внутренней логики и герменевтики. Одним из основоположников компаративной теологии является американский католический священник и индолог Френсис Клуни (Francis Clooney). Компаративную теологию можно понимать в трех аспектах: «(1) как сравнение теологических систем разных традиций; (2) как постановку и решение богословских вопросов на сугубо богословских основаниях в сравнительном контексте; (3) как новую, "творческую" (constructive) теологию, которая возникает после сравнительного анализа разных религий» [Betül 2018: 5; Мельник 2022: 213–219]. К. Корнилл анализировала влияние постлиберального партикуляризма на методологию компаративной теологии [Cornille 2020]. М. Мойерт пишет: «Партикуляризм – это модель, которая имеет много проявлений, одним из которых является компаративная теология», – и подробно раскрывает этот тезис [Moyaert 2012: 38–46].

Существенную концептуальную проработку получила межрелигиозная практика «Размышления над Писаниями» (Scriptural Reasoning), в ходе которой небольшие группы верующих авраамических религий совместно читают и обсуждают Священные Писания иудаизма, христианства и ислама. Не вдаваясь в подробности описания этого проекта, отметим, что в качестве методологического принципа он также включает в себя постлиберальный партикуляризм. М. Мойерт отмечала, что «Размышления» осуществляют переход от «либерального плюрализма к постлиберальному партикуляризму» [Moyaert 2013: 65]. Участники не исходят из предпосылки общих оснований, не стремятся делать акцент на подчеркивании сходств и близости религиозных традиций, но чтение Священных Писаний и обсуждение является открытым процессом. Как отмечает Б. Квош, «"Размышления над Писаниями" представляют «истинную альтернативу идее, согласно которой все религиозные системы представляют собой частные случаи некоего универсального типа, что обязывает их к поиску общих концептуальных оснований (этического или метафизического порядка)» [Quash 2006: 59–76]. М. Мойерт писала: «В противовес либерально-плюралистической перспективе "Размышления над Писаниями" воплощают собой разновидность постлиберального партикуляризма – подход к диалогу, подчеркивающий несводимую уникальность религиозных традиций» [Moyaert 2013: 66]. Дискуссии о «постлиберальном партикуляризме» М. Мойерт рассматривает в книге «Хрупкие идентичности: к богословию межрелигиозного гостеприимства» [Moyaert 2011].

Итак, мы видим, что культурно-лингвистический или партикуляристский подход Дж. Линдбека был воспринят исследовательскими направлениями и практиками, которые связаны с развитием межрелигиозного диалога, направленного на изучение верующими других религий. Здесь в качестве скорее методологического принципа отношения к другим религиям мы также можем

встретить слова «партикуляристы», «партикуляризм» (иногда с конкретизацией «либеральный партикуляризм», что представляется правильным, поскольку позволяет избежать разночтений) и противопоставление в этом специфическом контексте партикуляризма и универсализма.

Заключение

Проблема со сложностью прояснения содержания понятия партикуляризма заключается в том, что даже в контексте религии оно используется в разных значениях и контекстах. Семантическое поле понятия «партикуляризм» можно в целом обозначить словом «избранничество». То есть наиболее часто в литературе это слово встречается или в связи с осмыслением представлений о богоизбранности еврейского народа в соотношении со значением и миссией всех прочих народов, или характеризует христианские богословские представления об исключительности, возможности получения спасения только отдельными людьми или конкретной религиозной группой.

В последнем значении понятие партикуляризма имеет пресечения и иногда используется как взаимозаменяемое с термином «эксклюзивизм» в теологии религий. В то же время у этих понятий есть разные коннотации, ведь партикуляризм ассоциируется с внутрихристианскими сотериологическими дебатами, употребляется в контексте доктрины Кальвина «decretum particulare», а подход эксклюзивизма осмысливает соотношение христианства и других религий. Кроме этого понятие партикуляризма в пространстве дебатов сторонников Кальвина и Арминия делает акцент на божественном выборе, предопределении, а не только на формальной религиозной принадлежности. Более того, партикуляризм, если пользоваться упомянутым определением «Энциклопедии религии и общества», предполагает, что спасение доступно «узко определенным группам верующих», что может включать не только конкретную религию, но и одну деноминацию внутри нее или отдельных верующих.

Термин «партикуляризм» также используется в качестве описания одной из четырех основных позиций в рамках теологии религий, наряду с эксклюзивизмом, инклюзивизмом и плюрализмом. Ситуация здесь аналогична с понятием «религиозный плюрализм», которое в общем словоупотреблении означает «религиозное многообразие», но в теологии религий предстает как специальный термин, подразумевающий определенную концепцию Дж. Хика. Подобным образом «партикуляризм» в теологии религий получает особое значение и указывает на культурно-лингвистический подход Дж. Линдбека в рамках постлиберальной теологии. Не добавляет ясности и то, что сам Линдбек слово партикуляризм не использовал для обозначения своей концепции и вообще оно редко встречается в его трудах, так стали называть его подход в контексте дискуссий о позициях теологии религий позже.

Приводить к путанице может и то, что если для трех других позиций центральным является вопрос о спасении (который также характеризует наиболее распространенные интерпретации слова «партикуляризм», о чем мы сказали выше), то «постлиберальный партикуляризм» в теологии религий претерпевает

значительный семантический сдвиг, отдаляясь от классического вопроса о «спасении» (от сотериологии) и фокусируясь на «несоизмеримости» смыслов. То есть партикуляризм здесь понимается скорее как методологический, гносеологический принцип, утверждающий радикальную инаковость религий, возможность их понимания только «изнутри» внутренней логики и грамматики конкретной традиции. Представляется важным использование некоторыми авторами уточняющего слова: «постлиберальный партикуляризм», что позволяет избежать противоречивых трактовок. Вместе с тем вопрос о том, рассматривать ли партикуляризм как разновидность эксклюзивизма или как самостоятельную позицию в рамках теологии религий, остается дискуссионным.

Партикуляризм, или, точнее, постлиберальный партикуляризм, как методологический принцип, который делает акцент на уникальности, самобытности религий, получил широкое распространение в контексте проблематики изучения других религий и межрелигиозного диалога, поэтому может встречаться в исследованиях в рамках межрелигиозного диалога, что мы отметили на примере «компаративной теологии» и практики «Размышления над Писаниями».

Таким образом, в статье было выделено пять главных значений понятия партикуляризма. Первые три из них можно охарактеризовать как основные, базовые, наиболее часто встречающиеся в исследовательской литературе: (1) в контексте темы богоизбранности еврейского народа; (2) понимания спасения в христианстве в связи с сотериологией Кальвина и его учения о предопределении (“decretum particulare”); (3) в более широком смысле как представление отдельных групп верующих о собственной исключительности и возможности спасения только внутри своей собственной религиозной традиции или общины. В теологии религий и исследованиях межрелигиозного диалога обсуждаемый термин получил дополнительные, специальные значения: (4) как позиция в рамках теологии религий (связанная с культурно-лингвистическим подходом Дж. Линдбека) и (5) как методологический принцип в изучении и других религий, который делает акцент на их уникальности, самобытности.

В ходе изучения научной литературы при подготовке статьи автору не удалось найти ни одной публикации на русском и английском языках, где бы внятно проговаривались различные трактовки понятия партикуляризма в контексте религии в целом и теологии религий в частности. Хочется надеяться, что данная статья поможет заполнить эту лакуну и окажется полезной исследователям, интересующимся проблематикой теологии религий и межрелигиозного диалога.

Список литературы

Мак-Ким 2004 – *Мак-Ким Д.К.* Вестминстерский словарь теологических терминов / Пер. с англ. И.В. Аверченко и др. М.: Республика, 2004.

Мельник 2022 – *Мельник С.В.* Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации. М.: ИНИОН РАН, 2022.

Мень 2002 – *Мень А.*, прот. Библиологический словарь. Т. 3: Р-Я. М.: Фонд им. Александра Меня, 2002.

Хромцова 2017 – *Хромцова М.Ю.* Постлиберальная теология о религиозном многообразии // Вестник РХГА. 2017. Т. 18. № 2. С. 41–53.

Хромцова 2023 – *Хромцова М.Ю.* Развитие взглядов сторонников христианского эксклюзивизма XX – начала XXI века // Вестник РХГА. 2023. Т. 24. № 4. С. 113–127.

Шохин 2025 – *Шохин В.К.* Теология религий: начальный период // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2025. Вып. 118. С. 31–52.

Betül 2018 – *Betül A.* Comparative Theology and Scriptural Reasoning: A Muslim's Approach to Interreligious Learning // Religions. Basel. 2018. Vol. 9. Iss. 10. P. 1–14.

Between Universalism and Particularism 2025 – Between Universalism and Particularism: The Reception of Noah, Abraham and Jacob Stories / Eds. S. Green, A. Laato. Leiden: Brill, 2025.

Cornille 2017 – *Cornille C.* Soteriological Agnosticism and the Future of Catholic Theology of Interreligious Dialogue // The Past, Present, and Future of Theologies of Interreligious Dialogue / Ed. by T. Merrigan and J. Friday. New York: Oxford University Press, 2017. P. 201–215.

Cornille 2020 – *Cornille C.* Meaning and Method in Comparative Theology. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2020. 224 p.

D'Costa 2022 – *D'Costa G.* Christian Theology of Religions // St Andrews Encyclopaedia of Theology / Ed. by B.N. Wolfe et al. 2022. URL: https://www.saet.ac.uk/Christianity/ChristianTheologyofReligions (дата обращения: 02.02.2026).

Fredericks – 1999. *Fredericks J.* Faith Among Faiths: Christian Theology and Non Christian Religions. New York: Paulist Press, 1999.

Fuller 1997 – *Fuller J.* Multicultural health care: reconciling universalism and particularism // Nursing Inquiry. 1997. 4 (3). P. 153–159.

Jelen 1998 – *Jelen T.G.* Particularism // *Encyclopedia of Religion and Society* / Ed. W.H. Swatos. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 1998.

Knitter 2002 – *Knitter P.F.* Introducing Theologies of Religions. New York: Orbis Books, 2002.

Knitter 2013 – *Knitter P.F.* Inter-Religious Dialogue and Social Action // The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue. Chichester, 2013. P. 117–132.

Milbank 2000 – *Milbank J.* The End of Dialogue // Christian Uniqueness Reconsidere / Ed. by G. D'Costa. Maryknoll, NY: Orbis Books, 2000. P. 174–191.

Moyaert 2011 – *Moyaert M.* Fragile Identities: Towards a Theology of Interreligious Hospitality. New York: Rodopi, 2011. 364 p.

Moyaert 2012 – *Moyaert M.* Recent developments in the theology of interreligious dialogue: from soteriological openness to hermeneutical openness // Modern Theology. 2012. Vol. 28, No. 1. P. 25–52.

Moyaert 2013 – *Moyaert M.* Scriptural Reasoning as inter-religious dialogue // The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue. Chichester John Wiley & Sons, 2013. P. 64–86.

Quash 2006 – *Quash B.* Heavenly semantics: some literary-critical approaches to Scriptural Reasoning // The promise of Scriptural Reasoning / Ed. by D.F. Ford, C.C. Pecknold. Blackwell Publishing, 2006. P. 59–76.

Sinnott-Armstrong 1999 – Sinnott-Armstrong W. Some varieties of particularism // Metaphilosophy. 1999. Vol. 30. No. 1/2. P. 1–12.

References

Betül, A. "Comparative Theology and Scriptural Reasoning: A Muslim's Approach to Interreligious Learning", *Religions*, 2018, Vol. 9, no. 10, pp. 1–14.

Between Universalism and Particularism: The Reception of Noah, Abraham and Jacob Stories, eds. S. Green, A. Laato. Leiden: Brill, 2025.

Cornille, C. "Soteriological Agnosticism and the Future of Catholic Theology of Interreligious Dialogue", in: *The Past, Present, and Future of Theologies of Interreligious Dialogue*, ed. by T. Merrigan and J. Friday. New York: Oxford University Press, 2 Newton, 2017, pp. 201–215.

Cornille, C. *Meaning and Method in Comparative Theology*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2020.

D'Costa, G. "Christian Theology of Religions", in: *St Andrews Encyclopedia of Theology*, ed. by B.N. Wolfe et al. 2022. Available at: https://www.saet.ac.uk/Christianity/ChristianTheology ofReligions (accessed on 02.02.2026).

Fredericks, J. *Faith Among Faiths: Christian Theology and Non-Christian Religions*. New York: Paulist Press, 1999.

Fuller, J. "Multicultural health care: reconciling universalism and particularism", *Nursing Inquiry*, 1997, Vol. 4, no. 3, pp. 153–159.

Jelen, T.G. "Particularism", in: *Encyclopedia of Religion and Society*, ed. by W.H. Swatos. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 1998.

Khromtsova, M.Yu. "Postliberal'naya teologiya o religioznom mnogoobrazii" [Post-Liberal Theology about Religious Diversity], *Vestnik RKhGA* [RCAH Review], 2017, Vol. 18, no. 2, pp. 41–53. (In Russian)

Khromtsova, M.Yu. "Razvitiye vzglyadov storonnikov khristianskogo eksklyuzivizma XX – nachala XXI veka" [The Development of the Views of Christian Exclusivism Supporters in the 20th – Early 21st Centuries], *Vestnik RKhGA* [RCAH Review], 2023, Vol. 24, no. 4, pp. 113–127. (In Russian)

Knitter, P.F. *Introducing theologies of religions*. New York: Orbis Books, 2002.

Knitter, P. F. "Inter-Religious Dialogue and Social Action", in: *The Wiley-Blackwell Companion to Interreligious Dialogue*. Chichester: John Wiley & Sons, 2013, pp. 117–132.

McKim, D.K. *Vestminsterskiy slovar' teologicheskikh terminov* [Westminster Dictionary of Theological Terms], trans. by I.V. Averchenko et al. Moscow: Respublika Publ., 2004. (In Russian)

Melnik, S.V. *Mezhreligioznyy dialog: tipologizatsiya, metodologiya, formy realizatsii* [Interreligious Dialogue: Typology, Methodology, Forms of Implementation]. Moscow: INION RAN Publ., 2022. (In Russian)

Men, A., Archpriest. *Bibliologicheskiy slovar'* [Biblical Dictionary], vol. 3: R–Ya. Moscow: Alexander Men Foundation Publ., 2002. (In Russian)

Milbank, J. "The End of Dialogue", in: *Christian Uniqueness Reconsidere,* ed. by Gavin D'Costa. Maryknoll, NY: Orbis Books, 2000, pp. 174–191.

Moyaert, M. "Scriptural Reasoning as Inter-religious Dialogue", in: *The Wiley-Blackwell Companion to Interreligious Dialogue*. Chichester: John Wiley & Sons, 2013, pp. 64–86.

Moyaert, M. "Recent developments in the theology of interreligious dialogue: from soteriological openness to hermeneutical openness", *Modern Theology*, 2012, Vol. 28, no. 1, pp. 25–52.

Moyaert, M. *Fragile Identities: Towards a Theology of Interreligious Hospitality*. New York: Rodopi, 2011.

Quash, B. "Heavenly Semantics: Some Literary-Critical Approaches to Scriptural Reasoning", in: *The Promise of Scriptural Reasoning*, ed. by D.F. Ford and C.C. Pecknold. Blackwell Publishing, 2006, pp. 59–76.

Shokhin, V.K. "Teologiya religiy: nachal'nyy period" [Theology of Religions: Initial Period], *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye* [St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies], 2025, Vol. 118, pp. 31–52. (In Russian)

Sinnott-Armstrong, W. "Some varieties of particularism", *Metaphilosophy*, 1999, Vol. 30, no. 1/2, pp. 1–12.